

«НАМ НУЖНО ПОГОВОРИТЬ О КЕВИНЕ»

МАТЕРИНСТВО В КАТЕГОРИЯХ ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Елена Стрельник

8 апреля 1999 года 16-летний Кевин Качориан – сын белых образованных родителей из американского среднего класса методично и хладнокровно убивает из арбалета отца, сестру, семерых своих одноклассников и учителя. Мы так и не узнаем истинных мотивов преступления из романа Лайонелла Шривера «Нам нужно поговорить о Кевине» («We need to talk about Kevin»), экранизированного режиссером Линн Рэмси в 2011 году.

Сюжет книги и фильма построен на нарративе Евы Качориан – матери Кевина, которая, пересматривая свою историю взаимоотношений с сыном, пытается отразить моменты «недостаточной» материнской любви и собственной вины в воспитании жестокого убийцы. Сюжет фильма, таким образом, актуализирует, безусловно, важный аспект феминистского анализа материнской идентичности в категориях вины и ответственности.

Теоретической основой анализа в данном случае может послужить концепция американской исследовательницы Шарон Хейз (Sharon Hays) – автора понятия «идеология интенсивного материнства».

Идеология интенсивного материнства содержит дискурсивные представления о «хорошей матери», соответствующие им поведенческие, эмоциональные аспекты заботы о детях и основана на трех постулатах.

Во-первых, преимущественно женщины заботятся о детях и, соответственно, именно они несут всю ответственность за их воспитание.

Во-вторых, интенсивное материнство предполагает большие затраты времени и усилий, направленных на заботу о ребенке. Интенсивное материнство понимается как детоцен-

трированное, эмоционально поглощенное, экспертно-направленное, трудоемкое и финансово затратное.

В-третьих, интенсивное материнство основано на логике отделения материнства от профессиональной оплачиваемой работы: «хорошие матери» работают только тогда, когда их семья нуждается в финансовой поддержке.

Касательно последнего тезиса. Хейз полагала, что идеология интенсивного материнства является доминирующей для американского общества и не зависит от социально-классовых, расовых, этнических и рыночных позиций матерей. Ряд исследований подвергли эту посылку критике, рассматривая ее как релевантную исключительно замужним матерям из среднего класса.

Итак, центральным элементом культурных дискурсов материнства является категория *материнской ответственности и вины*.

от аутизма, гельминтоза, нарушений речи и заканчивая аппендицитом, онкологическими заболеваниями и уровнем холестерина. Всемирная организация здравоохранения дает рекомендацию о необходимости сохранения грудного кормления до двух и даже до трех лет, априори предлагая матерям отказаться на этот период от профессиональной занятости. Отказывающаяся по каким-либо причинам от грудного кормления мать автоматически (само)стигматизируется как девиантная. Тем не менее, грудное кормление, при всей его природности, является во многом социально сконструированным феноменом. К примеру, в послевоенное время, когда советская экономика требовала активного вовлечения женской рабочей силы, изменяются и дискурсивные предписания относительно вскармливания новорожденного. Медицинские советы изменились таким образом, чтобы через

Именно матери несут ответственность за все аспекты жизнедеятельности ребенка: его характер, физическое и ментальное здоровье, успеваемость в школе. Огромное количество нарушений детского здоровья связывается с поведением матери. К примеру, целой идеологией современного материнства стало грудное вскармливание. Медицинский дискурс очерчивает четкую связь между искусственным вскармливанием и практически всеми нарушениями здоровья ребенка, начиная

несколько недель после рождения ребенка женщина могла отдать его в ясли и выходить на работу.

Следствием доминирующего дискурса материнской ответственности является чувство вины. Оно неизбежно сопровождает категорию заботы, **поскольку никто не может быть всегда любящим и заботливым**.

Австралийская исследовательница Венди ЛеБланк (Wendy LeBlanc) в работе «Обнажённое» материнство: крушение иллюзий и распространение истины» («Naked motherhood:

shattering illusions and sharing truth», 1999) пишет о мифологии материнства, которая содержит только два типа матерей – «хорошие» и «плохие». «Хорошие матери» никогда не причиняют вреда своим детям и всегда терпеливы по отношению к ним. В реальном мире материнства вряд ли найдется мать, которая весела, терпелива и никогда не выходит из себя. И большинство матерей испытывают чувство вины в отношении того, как они ведут себя со своими детьми. Исследовательница отмечает также, что чувство вины распространяется и на другие роли женщин из-за невозможности приготовить идеальную еду, быть идеальной женой, дочерью, подругой.

положительные эмоции и чувства от состояния беременности, грудного кормления, выполнения множества материнских функций. Такой дискурс дополняется и дискурсами девиантного материнства, в то время как понятие **ДЕВИАНТНОГО ОТЦОВСТВА** вообще отсутствует в понятийном аппарате социально-гуманитарных наук.

Итак, именно **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**, по моему мнению, остается решающим фактором гендерного разрыва в родительских ролях. Несмотря на всю большую вовлеченность отцов во все аспекты ухода за детьми и их воспитания, включенность отцов в процесс принятия решений и ответственности за детей остается пока весьма огра-

Возвращаясь к истории Евы и Кевина, замечу, что первое впечатление от просмотренного у меня лично вызвало чувство того, что это по-настоящему феминистский фильм, проблематизирующий категорию материнской вины.

Кевин с рождения был «неудобным» ребенком, демонстрируя очевидные агрессивные и невротические наклонности. Любить такого ребенка, видимо, очень непросто, так же непросто испытывать постоянное чувство радости от выполнения материнских функций. Материнство предстало как реальный опыт женщины, не идеализированный в контексте «всепоглощающей любви», – а опыт подчас амбивалентный, сопряженный с усталостью, раздражением, отказом от профессиональных амбиций. Тем не менее, Ева пытается быть хорошей матерью с точки зрения социальных ожиданий – режиссер демонстрирует нам тщетные попытки Евы наладить отношения с сыном на разных этапах его жизни. Её явно тревожат странные наклонности сына, в то время как отец Кевина, очевидно, представлен как второстепенный персонаж, не замечающий проблем (или не желающий их замечать).

Тем не менее, надежда на роль фильма в деконструировании дискурса материнской вины стала исчезать по мере погружения в анализ режиссуры и едва заметных режиссёрских штрихов. В частности, в одном из эпизодов Ева погружает лицо в воду, и оно постепенно преобразуется в лицо Кевина, отсылая, видимо, нас к известному «яблоко от яблони недалеко падает». В другом эпизоде Ева позволяет себе достаточно жесткие выражения в отношении определенной группы людей, на что Кевин замечает, что они очень похожи с матерью. Центральный характер диады «мать-ребенок» в становлении личности Кевина подчёркивается и тем, что в сюжете фильма ничего не сказано об отношениях Кевина со школьными товарищами, ровесниками, учителями и другими референтными группами.

Миф об идеальной матери, таким образом, поставлен в фильме под сомнение, но после его просмотра осталось стойкое ощущение того, что поступок Кевина адресован именно матери и является «ценой материнской нелюбви». Материнская нелюбовь представлена как реальное, но явно патологическое явление, неизбежно имеющее негативные и страшные последствия для развития ребенка.

Я

P.S.: В качестве иллюстраций к материалу использованы кадры из кинофильма «Нам нужно поговорить о Кевине».

1. Мария Свеланд Стерва // Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/sterva_27115

Один из источников чувства вины – это чувство привязанности к новорожденному ребенку (*bonding*), вернее, отсутствие раннего его возникновения. Представление о том, что «нормальная женщина» хочет детей, а «нормальная мать» сразу начинает любить новорожденного ребенка, является крайне распространённым и активно воспроизводимым медицинским и психологическим дискурсами.

Тем не менее, некоторые исследования показывают, что только у 60 % матерей чувство привязанности к ребенку возникло сразу же или в течении нескольких дней после его рождения. Матери, у которых чувство привязанности возникает позднее, испытывают чувство вины из-за несоответствия культурным идеалам любящей и заботливой матери. Отсутствие чувства привязанности к новорожденному ребенку может иметь много причин: и травмирующий опыт самой матери, и проблемная беременность и роды, и сложные жизненные обстоятельства. Но реальные материнские опыты не озвучены в обилии изданий для родителей, в которых очевидно доминирует образ матери, получающей исключительно

ниченной, равно как и общественное признание возможности такой ответственности.

Шведская журналистка Мария Свеланд (*Maria Sveland*) весьма ёмко интерпретирует соотношение материнской и отцовской любви и заботы: «Мне бы очень хотелось быть способной любить так же свободно, как это делают мужчины и отцы. Осознание того, насколько роль матери отягощена чувством вины, и насколько эта роль принимается просто как нечто само собой разумеющееся, насколько объем требований к роли матери больше по сравнению с ролью отца, превращает меня в стерву, полную желчной зависти. Мне бы тоже хотелось побыть мужчиной и прочувствовать, как это – когда все общество хлопает в ладоши, если я только выйду в декрет на всего лишь два месяца, в то время как никого ни капельки не восхищает, когда моя жена сидит в декрете оставшиеся десять. Мне бы тоже хотелось побыть мужчиной и прочувствовать, как это – когда все общество хлопает в ладоши и расценивает мою любовь и самопожертвования как нечто удивительное, нечто выдающееся¹.